

куссий. И хотя с отдельными ее мыслями можно спорить, в заключение хотелось бы еще раз сказать о беспорном — о глубоких обобщениях, оригинальных наблюдениях, остроумных догадках, доскональном знании предмета и многом другом, что делает всякую работу Л. Гинзбург заметным явлением в современной литературоведческой науке. Удачные места книги — не отдельные и

разрозненные, в них есть своя система, своя, если выражаться языком автора, типология, которая носит высокое и редкое имя: талант. А в природе всякого таланта — возбуждать мысль читателя: увиденный в новом, неожиданном свете предмет требует напряжения и размышления, потребности выявить и сформулировать свою точку зрения.

Масловский В. И.

Catteau J. La création littéraire chez Dostoïevski.

Paris: Institut d'Études Slaves, 1978 (Bibliothèque russe de l'Institut d'Études Slaves), t. XLIX, 610 p.

Книга профессора Сорбонны Ж. Катто «Процесс литературного творчества у Достоевского» — примечательное явление современного французского литературоведения. Автор названной монографии, имя которого уже известно советскому читателю [см. 1], в отличие от многих своих коллег отказался следовать популярным на Западе «легендам» о Достоевском, искажающим облик великого русского романиста в угоду популярным модернистским концепциям. Ж. Катто поставил перед собой задачу противопоставить им исторически правдивое изображение личности Достоевского, творческого процесса, эстетики и поэтики великого русского писателя. Опираясь в своей работе прежде всего на тексты и комментарии академического Полного собрания сочинений Достоевского, автор учел в ней также материалы творческих рукописей и записных книжек Достоевского, опубликованные в т. 83 и 86 «Литературного наследства». Тщательно изучил автор наряду с французской и всю главнейшую русскую дореволюционную, а также новейшую советскую научную литературу о Достоевском. Все это дало Ж. Катто возможность подвергнуть резкой, убедительной критике тот круг достаточно банальных и поверхностных ходячих фраз и эклектических модернистских идей, которые характерны для подавляющего числа современных работ о Достоевском, выходящих в западноевропейских буржуазных странах и США.

Особого интереса заслуживают главы II—IV первой части («Творческая среда») труда Ж. Катто, озаглавленные «Наследие» (с. 31—123). Основной их пафос в отрицании взгляда на великого художника как на бездельного, дерзновенного «новатора» и «борца против традиций». Полемизируя с подобными представлениями, Ж. Катто убедительно демонстрирует, что художественное новаторство Достоевского имело противоположный характер. Достоевский не отвергал ценных гуманистических традиций предшествующей и современной ему русской и мировой литературы, музыки, изобразительного искусства, как не от-

рицал духовных завоеваний прошлого или своей эпохи. Творчество его прочно укоренено в общекультурной и художественной традиции. Органическая связь с Россией, с историческими исканиями русской национальной культуры сочеталась в творчестве Достоевского с широкой «открытостью» лучшим достижениям культуры западноевропейской и вообще мировой. В своих романах Достоевский, как убедительно показывает Ж. Катто, творчески воплотил тот высокий идеал «всемирной отзывчивости», который в речи о Пушкине он оценил как основную и характерную черту русской национальной культуры в целом. Отсюда — горячий и постоянный интерес Достоевского к Шекспиру, Сервантесу, Шиллеру, Гюго, Байрону, Бальзаку, Э. По, Рафаэлю, Клоду Лоррену (не говоря уже о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Л. Толстом, художниках-передвижниках). Достоевский стремился к синтезу многообразных художественных традиций русской и мировой литературы, искусства, исторической и философской мысли, воспринимая их не как бессознательный, робкий подражатель, а как сознательный творец, ставивший перед собой задачу использовать уроки своих предшественников и современников для углубленного творческого воплощения «текущей» действительности, со всем ее острым драматизмом и свойственными ей социально-психологическими противоречиями.

Не меньший интерес представляет и глава V («Болезнь»). Ж. Катто отвергает здесь созданный последователями З. Фрейда миф о той особой «благотворности», которой будто бы обладала для творчества Достоевского эпиплезия. Опираясь на тщательный анализ дошедших до нас фактических данных и свидетельств мемуаристов о болезни Достоевского, Ж. Катто подвергает строгой критической проверке концепцию болезни Достоевского, которую дал основатель психологического анализа З. Фрейд в статье «Достоевский и отцеубийство» (1926), статья, которая до сих пор благодаря авторитету Фрейда постоянно перепечатывается и широко